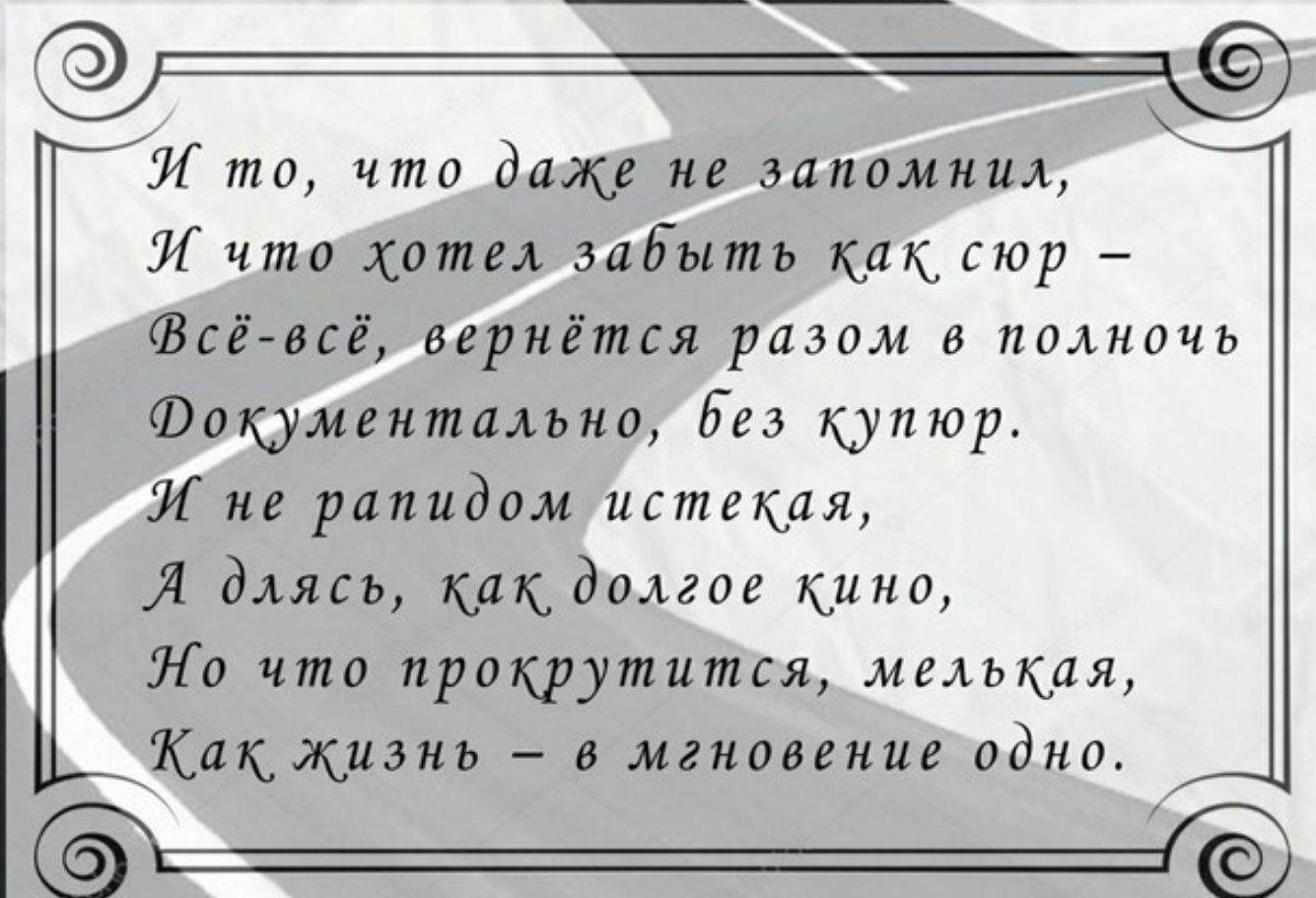

Алексей
Козлов

Наших дней
дилижансы

*И то, что даже не запомнил,
И что хотел забыть как сюр –
Всё-всё, вернётся разом в полночь
Документально, без купюр.
И не рапидом истекая,
А длясь, как долгое кино,
Но что прокрутится, мелькая,
Как жизнь – в мгновение одно.*

Алексей Козлов

Наших дней дилижансы

«Издательские решения»

Козлов А.

Наших дней дилижансы / А. Козлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854825-3

Сборник стихов Алексея Козлова, 2015 года рождения. Искренний и беспристрастный отчёт перед самим собой и перед читателем: мысли и чувства, ускользающее время и ценности, которые ему неподвластны, знакомая каждому повседневность и взгляд, устремленный в небо. Ироничные и серьёзные, философские и лиричные стихи Алексея Козлова — как искусно связанная шаль из мыслей и слов, и «ничего нет теплее на плечи, чем простые стихи о любви». Время — это память, а воспоминания способна сберечь лишь любовь.

ISBN 978-5-44-854825-3

© Козлов А.

© Издательские решения

Содержание

Поэзия без иронии	7
Greyhound adoption	7
Америке	8
Ах, поле-полюшко	9
Ахиллесовость	10
Болезнь или вера	11
В американской православной церкви	12
Внуки	13
Возраст	14
Война – любимая жена	16
Волны	17
Вписалось прошлое в тетради	18
Всплалнём, декабрь	19
Выздоровление дня	20
Ген творчества	21
Глаза	22
Глядя на спящего внука	24
Госпитальная живопись	25
Давление	26
Диез тюремного окна	27
Для памяти	28
Дом без детей	29
Дороги не длиннее поездов	30
Если бы я Богом мог побыть	31
Если выключить время	32
Жанна д'Арк	33
Жене-анестезиологу	34
За месяц до парада живых	35
Закат	36
Закон сохранения удачи	37
Зарисовка	38
Здесь	39
Игорю Мильченко	40
Иммигрантам	41
Как это будет	42
Катастрофа	43
Когда заходит ум за разум	44
«Когда» и «если»	45
Когда к Земле причалит свет звезды	46
Когда торнадо из дому прогонит	47
Кораблик	48
Красноречие камней	49
Кресты и звёзды	50
Круговорот света в природе	51
Листы и листья	52
Любовники	53

Моему псу – посмертное	54
Мы погибнем, когда расстреляем обоймы	55
Навигатор	56
Надежда проснуться	57
Не дай Бог, но если	58
Не по традиции	59
Ночь в старом доме	60
О лесе с любовью	61
О поэзии	62
О правилах дорожного движения	63
О родине	64
Об одном важном чувстве	65
Обычный и простой американец	66
Овладевшие перьями	67
Окно	68
Они редки	69
Они уходят	70
Осенний гром	71
Остановившим тьму	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Наших дней дилижансы

Алексей Козлов

Дизайнер обложки Маргарита Пальшина

© Алексей Козлов, 2017

© Маргарита Пальшина, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-4825-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поэзия без иронии

Greyhound adoption

Мы – поколение усыновлённых псов,
Борзых удочерённых поколение,
Что знало клетку псарни и засов.
Мы наперегонки под Мавзолеем

Вращали лапами и лопасти турбин,
И гусениц скрипящие каретки —
За ложным зайцем, что идеей был,
На круге стадиона пятилетки.

Эксплуатируя привычку догонять,
Хозяева записывали ставки
И поощряли взрослых и щенят
Ошейником, похожим на удавку.

И вскоре, списанных, отбегавших своё,
Нас содержали впроголодь у блюда
С обедками и водочным питьём,
Не ведавших, что есть иные люди.

Мы в их домах теперь живём, где есть клозет,
Без вони клеток в псарнях-коммуналках.
Мы спали на подстилках из газет
Со сводками побед, добытых нами.

Ходить по лестницам, не гадить на ковры,
Не воровать и не сбиваться в стаи
Научимся. Хозяева добры.
Людьми щенята наши вырастают.

Америке

Америка, моя и не моя!
В пищеваренье (принцип) не плюя
И в твой рецепт плавильного котла,
Благодарю за всё, что ты дала

И мне, и сыну, и ещё другим,
Кто до сих пор не выучил твой гимн,
Кто «the» зудит своим славянским «зэ»
И к «О козе» добавит «дерезе».

Америка! Моя, но не совсем.
Ребёнком по иной ходил росе,
И не хочу забыть её ничуть,
Пуškai уже не мальчиком топчу

Твои луга, где неба синева,
Что и Покров сгодится покрывать,
И хватит на Пурим и Хэллоуин —
Не будет ни разрывов, ни морщин.

Пусть никогда наш общий внук уже
На огневом не сгинет рубеже
В любой согбенной, сломанной стране,
А может быть, горбатой с детства.
Мне
Не хочется, чтоб нить оборвалась
Моих потомков, а чужая власть
Обмылком заменила шило там,
Где снова нужно с чистого листа.

Нельзя порядок подарить в горсти —
Он должен сам помалу прорасти.
Нельзя любовь на ненависть привить,
К берёзке – демократии «Кальвиль».

Америка! Я стойкий домосед,
Не дай мне повод вымокнуть в росе,
Дойдя до Вашингтона поутру,
Чтоб выкрикнуть:
«Пусть внуки не умрут!»

Ах, поле-полюшко

Ах, поле-полюшко,
Седые облака —
Что брови в горюшке-
Кручине старика.
А травы стелятся,
Ложатся под борей,
Что то ощерится,
То матери добрей.

Тропа, не битая
Копытом, колесом,
Почти забытая —
Нечасто возят соль
Из края южного,
Да одинокий тать
От плахи-суженой
Протопаёт когда.

Века-сомнения,
И камень на пути
Как преткновение —
Его не обойти,
А ставши птицею,
В облёт не одолеть.
Что делать витязю,
Когда ни прав, ни лев?

Потупил очи он
Во взгляде по копыю,
Оно заточено,
Но на смех воронью.
«Как прямо ехать,
То живу не бывать»,
А – вправо, влево? Эх!
Под мох ушли слова.

Под ним – где «живу быть»!
Реши, сойдя с коня,
Стереть ту «живопись»,
Чтоб жить, а не вонять!
...И череп видится
У камня – от души
Былого витязя,
Что так и не решил.

Ахиллесовость

Куrolесил ли с кронами леса,
Обрывал ли с них ветер иголки,
Вырастали другие затем.
Этот лес был рождён Ахиллесом,
И геройствовал, смертностью полон,
Уязвимый в своей наготе.

Засверкать уязвимостью пятки,
Не позволит деревьям нутро, и
Ахиллесы наивно храбры.
И порубят стволы на тетрадки,
И узнают об этих героях
По раскопкам сосновой коры.

Преимущество взмахами лезвий
Укрепляется, пустошь утруя,
Высыхает беспомощно плес.
Этот мир, что вполне ахиллесов,
Где поэты и мифы, и Троя
Исчезают, редая, как лес.

Он казался огромным и вечным,
Но лесник, лесорубу внимая,
Вместе с жадностью правят втроём.
Побеждает богов человечье.
Что ж ты ноешь, судьбу понимая,
Ахиллесово сердце моё?

Болезнь или вера

Болезнь или вера? Лечение, исповедь, суд?
Судья или врач подстрахуются словом «возможно».
Убийца ли тот, кто казнит по прочтении сур,
Клинок вынимая из Книги, как будто из ножен?

Мясник или мститель? А может быть, это хирург?
Присяжные скажут, что в лезвии всё преступление.
Молитвы, диагнозы, мнения – пыль на ветру.
Вердикт однозначен: ножи наказать затупленьем.

А тот, кто в крови? Проклянут ли, осудят его
На общей земле, где привычны с «возможно» ответы?
И ждут душегубы приёма у разных богов,
Что, как в поликлинике – каждый в своём кабинете.

Осталось по-старому всё в медицине души.
Болезни врачей узкопрофильных кормят и множат.
Но где-то, быть может, стареющий фельдшер в глуши
Всё лечит один и судьёю работает тоже.

В американской православной церкви

Шпили католиков небо амбицией колют.
Маковка церкви одна – у земли и в листве.
Словно в осоке зерно обрости такое,
Что и в тени прорастёт, и в высокой траве.

Тихо и сумрачно, свечи и много косынок.
Запахи. Шёпот и шорох. Неспешность одна.
Время – снаружи в часах, и ему не под силу
Что-то внутри поменять, где стоят времена.

Здесь все – потомки отплывших когда-то с котомкой,
Зёрнышки, семя живучее, копии лиц
Тех, кто сумел сохранить под мундиром, толстовкой
Веру и совесть и в ладанке – горстку земли.

Дева Мария привычка к английскому «Mary»,
Богу приятно «My God», а не «Отче» уже.
Если ты веришь – и Он покаянью поверит.
Будь хоть немой – Он свободно читает в душе.

Внуки

К гибридной войне России на Донбассе

Ах, как истово верили деды,
До победы дойдя и вернувшись,
Что последней была их победа
И не будут солдатами внуки,

Потому что друзья по окопам
Заплатили за это собою
На просторах своих и Европы,
На полях их последнего боя,

Чтоб страница – не перечню павших,
А стихам, чтобы белое поле —
Восклицательным знакам читавших —
Не крестам, не осиновым кольям.

Но ложатся в подраненном беге
Многоточия краской снигирной,
Многоточия чёрные в снеге
Прожигают горячие гильзы,

И свистят перелётные пули
На страницах гибридного фронта.
А для книги погибших вслепую
Только смерть оставляет экспромты.

И строка пулемётная чертит
От рожденья к поминкам и тризне
Перед датой минус от смерти —
Этот знак вычитания жизни.

Возраст

*«Старение! Здравствуй моё старение!
Крови медленное струение»
(И. Бродский)*

Возраст.
Всегда оцифрован контекстом,
Меню предпочтением, тестом
На тугость белья и фасонность,
Удобство его и кальсонность
Ворса.

Возраст.
Стакан сохраняет огранку
Для времени жизни в пространстве,
И жидкость, толящая жажду,
Всегда над собой умножает
Воздух.

Возраст.
Он может быть уровнем средним,
Ещё настроенью не вредным,
В нём женщина любя мужчине
Не только стиральной машины
Возле.

Возраст.
Потом он – мучительный возглас
У зеркала. Гордости вовсе
Дошкольной лишённый с гребёнкой,
Унесшей последний и тонкий
Волос.

Возраст.
Наличие возраста. Годы.
Ещё перемены погоды
Свеча переносит, а шкура
Чувствительна к температуре
Воска.

Возраст —
Когда на анализ пробирку
Сдают. На лодыжке же бирка —
Листок родословного древа,
Что в пламени века скорее —
Хворост.

Война – любимая жена

Война – любимая жена!
Как хорошо, что есть она
У нас.
Ученья – псевдобоевик
И имитация любви
Одна.

Военный должен воевать,
А не качать себе права,
Оклад.
Зови труба, зуди плечо,
Попасть туда, где горячо,
Он рад.

Снаряда вой над головой,
Крючок утоплен спусковой —
Вот жизнь!
Не блядовать, а воевать,
С женой-войною на кровать
Ложись.

Она из тех, кому река —
Препятствие, раз глубока,
А лес —
Прикрытие манёвра, не
Корзинка с рыжиком на дне
И без.

И здесь, куда он призван был
Повесткой-пулей от судьбы,
Видней,
Что пожил на земле не зря,
Раз крыши под душой горят
На ней.

Волны

Телемачты, и волны то к ним, то от них
Над моей Атлантидою стонут
По дорогам страны от весны до весны,
Погружая в свои баритоны.

От стены до стены, от песка до песка
Постоянно колеблется что-то —
Мастерство скрипача, дирижёра рука
И процентною ставкой частоты.

Чехарда президентов – священный устой
С чередой политпотрясений,
Я плыву над свободой как рифом, зато
Независим, стихами рассеян.

Колебания мнений и их амплитуд,
Колебания биржи, погоды,
На закате – процента спиртного во рту
Или птичьих помех на восходе.

Беспокойное поле, и я в нём пока —
Колосок или вектор в сомненьи,
И ползут, как диваны, над ним облака,
Где и боги порой сатанеют.

Вписалось прошлое в тетради

Вписалось прошлое в тетради,
Дождя копируя наклон,
Что и ровнял, и вправо ладил,
А почерк, делая назло,

Скакал, резвясь, по лужам-кляксам,
Ручьями на поля стекал.
Его выравнивала в классах
Педагогичная рука,

Воспоминаний чудный лепет
Учила уплощать до лжи,
Чтоб помнить правильно о лете,
А после – правильно про жизнь;

Не славить птиц, будивших клёны,
И блеск осколочный росы
В траве, бутылочно-зелёной,
Вовек не видевшей косы,

А лгать послушно и подкрышно
О том, что главное – коса.
«Переписать!» – как будто слышу.
Когда б я мог переписать!

Всплакнём, декабрь

Всплакнём, декабрь, на брудершафт,
Ты мне в друзья всегда покроен —
Тебе ли пить не разрешать
Порой, когда редуют кроны?

И нам обычно по пути.
Ты правь, а я — к тебе в пролётку.
Пока в руках возницы стих,
А не весло, и воздух в лёгких

Не остудился до нуля,
Потом безвыдохно зашкалил,
Вези в январь, до февраля
В санях с январским выпью шкалик.

Даст бог, доскачем до весны —
До той воскресности недели,
Когда и днём приходят сны,
Стеля подснежники постелью,

А полночь катит по земле
Апрельской разбитной кибиткой.
Но вверх ли мне на склоне лет,
Где жаром полдня быть убитым?

Что можно в полдень написать,
Когда сникают гривы клёнов,
И влага пота в волосах
Стекает через лоб солёно?

Не горькое тепло слезы,
А охлаждение для кожи...
Возница, в лето не вези,
Я в мае выйду у подножья.

Выздоровление дня

У дня был жар и
Глубокий обморок,
И пахли иодом
Грибы у заводи,
В ней отражалась
Симптомом облачность,
Дразня исходом,
Известным загодя.

Ничто не лечит,
Как кризис на́ небе
И непогода
С дождём отчаянным,
Чьи ветви хлещут —
Вернуть в сознание,
Что то уходит,
То возвращается.

Следы затрещин
Щекам оконным и
Губам карнизов
Остались листьями,
А ливень лечит,
Но где-то около —
Ушёл на вызов
Тропинкой склизкою.

Гром под сурдинкой,
Как эхо, медленный,
Он обесточен,
Поник на корточках.
И солнце в дымке,
Как тазик, медное.
Сквозняк охоче
Вскрывает форточку.

Диагноз – лето,
В поту простынки, но
Уже конечно —
Выздоровление.
И дует ветер
На заводь стылую —
Обжётся в спешке
Чаями летними.

Ген творчества

Плохие картины обра́млены, зря
Грамматикой блещут плохие стихи,
Но истинный мастер, и слух потеряв,
Напишет бессмертное для неглухих.

Познав до конца инструмент ремесла —
Перо ли, резец ли, а может, смычок,
Умелый ремесленник вовсе не слаб,
Но, кроме умения, есть что-то ещё.

Какое-то чувство из области той,
Административно лежащей в мозгу —
В стране Вдохновении вечной святой,
У моря Прекрасного на берегу.

У генного кода отрезком строки
Встречается ген для резца и пера,
И если он там – автоген, словно кисть,
На стали рисует шедевр-пастораль.

Глаза

1.

Слепцы слепых уверенно ведут.
Тасуются дороги, времена.
Пророк, шаман, продюсер и колдун
Меняют чин, погоны, имена.

И, бельмами пугая белый свет,
В припадках раздувают пузыри,
Что лопаются бредом в голове.
Блажен незрячий, ибо не узрит.

Он с наслажденьем выключит глаза,
Нырять в то, что полночи темней,
Где всё желанней – это кинозал
С проектором для ласковых теней,

Где мудрый и решительный отец,
Заботливая, любящая мать
И справедливость, и горит в огне
Сосед – он отказался понимать.

Не титры вверх, а тьма струится вниз,
Как чёрное – на зеркало души,
Которая не хочет толкотни
И к выходу заранее спешит.

Потёмки, транспорт, повезёт – такси,
Потёмкина деревни, города...
Но верь, и бойся, и всегда проси —
И «Продолжение следует» всегда.

2.

Бывает, что глаза не хороши
Для света и прицельности стрельбы.
Пока наряд последний не пошит —
Сменить очки. Увидеть, может быть,

Прищурясь, в зеркалах всего себя
Строкою, что придумал окулист, —
И как прочтётся, правдой теребя,
Перенести диагнозом на лист.

Пока зрачки, белки не выел грунт,

Не залепила смертная тоска,
Ещё душа – как шарик на ветру,
А ниточка не толще волоска.

Глядя на спящего внука

Они так спят — иконой в потолок.
Побелка для младенца — это небо,
Где две звезды и голос — первый бог,
Который — только молоко и нежность.

Они желанны рту, что пище дня
Названия назначит много позже.
Слова не портят, но они разнят
То, в чём по смыслу разница ничтожна —

Любовь и мать, Бог и молоко,
Глаза и звёзды, потолок и небо.
Что было цельным, делится легко,
Ничтожит быль и превращает в небыль.

Мой внук уснул. И сны его пусты
Пока, а может, нет, но только это
Никто не знает. Как ничтожно ты,
Воображение убогое поэта!

Оставь сейчас, лети стремглав вперёд —
Во все «потом», где я уже недвижим,
И лишь стихотворение живёт,
Которое глазами внука вижу.

Госпитальная живопись

И снова зимняя картина
Висит оконно на стене.
Сонливость белой паутиной
Опять внутри, опять вовне.

Пошло немало белой кисти
На потолок, окно и двор,
А мой халат, слегка пятнистый —
Вполне под вирусную хворь.

По циферблату регулярно
Парует чайник на плите
И к мёду в баночке янтарной,
И к слову *hospitalité**.

Предполагая госпитальность,
Гигиеничен белый цвет,
И белый свет в окошке спальни,
Как медик, в белое одет —

Усталый взгляд диагностичен.
Скажите, доктор, есть ли шанс?
На то, что не узнаем лично,
Посмотрим снизу, не дыша.

И мысли — спутанной куделью,
Безделье для веретена,
И дни сопливого безделья
У живописного окна.

** Гостеприимность (фр.). (Прим. А.К.)*

Давление

Температура падает помалу,
А с ней – давление беззащитных жертв.
Оно уже в крови, как в зажигалке —
Не прикурить и строчку не зажечь.

Как ненавистен фронт, когда погода
На карте представляется войной
Со стрелами ветров и их заходов
Во фланги к овладению страной.

К закланью жертва вздыбит чёрный зонтик,
Затянет шарф, упрёт кенчонку в бровь
В коротких перебежках к горизонту.
Но нет спасенья в станции метро —

Блиндажность, в три наката пепси с кокой,
И поезд-тромб срывает свою жесть
В тоннель-аорту вместе с «No smoking».
Не прикурить и строчку не зажечь.

Диез тюремного окна

Диез тюремного окна
Высок под потолком.
Чтоб ночью не лишиться сна,
Не думай высоко.

Представь, что жизнь – всегда тюрьма,
Как приговор судьбы.
Чтоб не сойти в тюрьме с ума,
Решётку полюби.

Она – игра, она убьёт
Всё время на земле
И расчертит небесный свод
Для крестиков, полей,

Дабы в острогах-городах
И деревнях не нить,
А всё нанизывать года —
Как бусинки на нить,

А за последней – узелок
Подвяжет челюсть для
Молчанья, чтоб в посмертный срок
Пожизненный не клясть.

Для памяти

Память – не полки архива опрятные
В стойках годами под пыльными датами,
Под номерами, под грифом «Приятное»
Или «Навечно забыть».
Это, скорее, домашняя каплица,
Свечи оплывшие в восковых платицах,
Где образа бесконечные копят
Веры, надежды, любви.

Вечер рождается, время наследуя,
Лает, гуляя, собака соседа и
Метит беседку, где ветер беседует
С жёлтою плетью плюща.
Плющ, напрягаясь, теряя подробности,
Шепчет, хрустя, про года сумасбродные,
Где всё меню – это чай с бутербродами,
И всё не так, как сейчас.

Вещи рассыпались как доказательства,
Группа свидетелей тает предательски,
Бьёт молотком по столу председатель и
Хмурится – был или нет?
Есть только метрика, корочки, грамоты,
«Не состоял», «Не имел», «Лишь в соцстранах был».
И возникает сомнение странное
В зале суда и во мне.

Для подкрепления памяти в будущем
Всё запишу – о высоком и будничном.
Ветер расскажет плющу (а кому ещё?
Детям соседского пса?).
Все показания будут утеряны,
Будут эксперты ни в чём не уверены.
Суд не найдёт ничего в «бухгалтерии»,
Разве что «Жил и писал».

Дом без детей

Если письменный стол без чернил от домашних заданий,
А обеденный – без ежедневных обедов за ним,
То столешницы их, не согретые супом, дыханьем,
Охлаждаются в гранит или мрамор, наверно. От них

Будет свет отражать эротический глянец журналов,
И тепло абажур не направит расплавить пломбир,
И останется лёд навсегда в запотевших бокалах,
Если мяч не надут, чтоб случайно бокалы разбить.

Если дом отлучить от присутствия шкоды как сути,
Если в нём не читать ничего, кроме чековых книг,
Не готовить обед, не закладывать детские судьбы,
Всё, что прочность несёт, отлетит и расстанется с ним.

Если в доме есть жизнь, то присутствовать будет и запах
От футбола и ног, и прилипшей к подошвам земли,
А без клякс на столах самосёлом вселяется затхлость —
Будто вынесли всех и последний венок унесли.

Дороги не длиннее поездов

Дороги не длиннее поездов,
Длине которых требуется время
Преодоления не милей до,
А просто совершения старенья

Кареток, сцепок, тамбуров, колёс,
Сортиров, пассажиров, ресторана.
К отсчёту срока до седых волос
Там девственность нетронутых стоп-кранов.

Дорога – это, собственно, тоска
Как мера ей, что шаркает в вагоне
Под видом старика-проводника,
Пропитанного гарью эпигона.

Ещё она – старуха у окна,
Которая рассказывать устала
Не слушающим, чем она больна
И что опасно делать на вокзалах.

Тоска на верхней полке бытия
Лицом к стене скрывает невесёлость —
Как старожил плацкартного жилья,
Где водку разливают новосёлы.

А капли на окне, как на висках —
Назад, по направлению к провожавшим.
В вагонных сцепках лязгает тоска
Разорванных гудком рукопожатий.

Если бы я Богом мог побыть

Если бы я Богом мог побыть...
Хочется (не в личных интересах).
Если от него добреют лбы,
Бьющиеся о полы подкрестно,
Как бы Богом я хотел побыть!

Уступи, мне, Господи, престол,
Поотсутствуй – покурить, «до ветру»...
План мой генеральный, но простой —
Обустроить действие Завета.
Уступи мне, Господи, престол.

Все артиллерийские стволы
Сделав многоствольною дубравой,
Истребитель научу «курлы».
И зашелестят под ним на славу
Все артиллерийские стволы.

Все слова оставив в словарях,
Затоплю ракетные колодцы,
Коромыслом снаряжу наряд.
И никто потом не придерётся,
Не найдя подмены в словарях.

У меня хорошая жена,
Стать бессмертым будет бессердечно.
Мне престол – на время, чтоб Ты знал.
На фига сдалась мне эта вечность,
Если любит смертная жена?

Никого ничем не накажу.
Грешному судить ли, правду править?
Насажу деревьев, а не жуть,
И залог победы обезглавлю.
Никого ничем не накажу.

Если выключить время

Параллельны пространства без дат и,
Словно киноэкраны для ночи,
Из «когда-то» рождают «всегда так»,
«Как всегда», а проектор стрекочет.

Громыхают по серому краю
Революция, дух беспокойный
Броненосца, наганы вздымая,
Горлопанством полнит бронепоезд;

Параллельны ему эшелоны,
Что сцепили вагоны, как зубы,
Подъездные пути и перроны —
Параллельные сжатые губы;

Пополнение армий, которых
Столько брошено углями в топку
Под вагонное пение хором
С переплясом и бойким притопом;

И попутчик, отправленный выжать
На строительство фонды в столице,
Он печален, а тѣха на нижней
Параллельно ему веселится.

Параллельные правды и судьбы,
А история, плюнув на карты,
Как цыганка гадая, тасует
Не колоду, а прошлое как бы.

Жанна д'Арк

Жанна!

Ржание долгой, как жизнь, бесконечной войны.
Ржавые пашни и стонущие горожане.
Жёны рожают
в проклятиях саксонских ублюдков, а Жаны у них
Горло в слезах полосуют, как булку, ножами.

Жанна!

Толпы блаженных, пророков бредут по земле,
Знать это хочет не знать и спивается в замках.
Подлый и жадный
дворец короля при безвольном совсем короле.
В хлебе печали – воды огорчения закись.

Жанна!

Конь твой и ты, золотые, в конце Риволи.
Снова бургундское Франции пьют парижане
Под баклажаны
и устрицы, выжав лимон и полив их шабли,
Режут не горла, а сдобную выпечку Жаны.

Жанна!

Душу твою позовут сотни войн на земле,
Божьей посланнице снова рядиться в мужское.
А прихожанам
к костру приходить и от зависти подлой шалеть
К мужеству женщины, зависть огнём успокоя.

Жанна!

Клещи закованных в латы не женственных ног.
Зуб на десне – так на лошади дева, не выбить.
Не подражаем
ни меч и ни факел для временных женских обнов
Всех инкарнаций твоих и победных побывок.

Жене-анестезиологу

Всю ночь ты убивала боль,
Топила тех котят —
Едва рождённых (не тобой —
Хирургами) чертят.

Проснёшься — а давно светло,
Как на твоих столах.
Так много боли родилось,
Пока ты всё спала,

И столько имплантаций бомб
Проведено земле,
Что больше шанс прикончить боль
В аду на вертеле.

Пока ты не проснулась, я
Газеты отложу.
Анестетический коньяк —
То в полдень абажур.

От новостей слегка — озноб,
В висках — удары в жёсть.
Ко лбу приложишь губы, но
Там 36,6.

За месяц до парада живых

За урочищем, где тёмные овраги —
Как глубокие морщины на земле,
Где за речкою топорщатся без флагов
Сиротеющие древки тополей,

Где зарницы от салютов крепят веру
В то, что памятью не обойдён никто,
Восклицательными знаками по ветру
Чемерица подтверждает высотой —

Там по-братски обнимаются ребята
Безымянные в беззвёздности погон —
Похороненные наспех и когда-то
До победы с недовыплатой долгов.

Неполна недоповеданная повесть,
А героев всё труднее называть —
Обезличенных солдат, что, упокоясь,
Не хотят, чтобы над ними – трын-трава.

И когда-нибудь поднимутся неслышно
И пройдут в строях упрёком площадям,
Не щадя их – с триколорами на крышах,
Непарадным своим видом не щадя.

И представятся по званию и чину,
По тому, как называли мать с отцом,
Чтоб живущим устыдиться, вторя гимну,
Просветлев тогда заплаканным лицом.

Закат

Закат бордовым отсветом настенным
Пьянил вечерней истиной в вине,
И ветви дуба, превратившись в тени,
Сплетались и металась по стене

Словами пальцев в сурдопереводе
Переплетённых строчек за окном
О малости, отведенной в природе
Теням глухоноемых говорунов.

Блаженны говорящие друг другу,
Блаженны понимающие слог,
Пусть путанный, как ветви или руки, —
Благословен, раз от него тепло.

Утихнет ветер, солнце в полнакала
Нырнёт в бокал, чтоб выпитым до дна
За горизонтом этого бокала
Теплить воспоминаниями нас.

Закон сохранения удачи

Раскладывать пасьянсы – ремесло.
Разгадывать случайности – искусство.
Дабы другому где-то повезло,
Кому, упав с коня, разбиться вусмерть?

Всё то, что может жить и умирать,
К закону сохранения начальной
Удачи «жизнь» навязана игра
С законом сохранения печали.

Похоже, чтоб не кашлялось у нас
И чтоб газон был зелен и ухожен,
Другим его должна спалить война.
Как это всё на истину похоже!

В законе сохранения судьба —
Не больше, чем приход, расход и смета,
И всё, как на базаре – баш на баш,
Добро и зло – не больше, чем монеты.

Признателен игре, поняв закон.
А карты на столе лежат уже, и
Поставлю на беспроигрышный кон.
Мой ход. И я начну стихосложение.

Пуškai не рассчитаю высоту
И разобьюсь, бездарный и не первый,
Но перья разлетятся на версту
И кто-нибудь подхватит эти перья.

Зарисовка

Раскашлялись вороны. Ранний грипп,
Малина с чаем.
А ветер небо стылое корит,
Разоблачая.

И режет глаз густая синева
К простынкам зимним,
Дневного света миллионы ватт —
К анестезии.

Как женственно курлычут журавли,
Природе вторя,
Которая любовь не утолит,
Зато накормит.

Но дом её – на снос. Пришёл черёд,
Желты обои.
И небо, прохудившись, протечёт
На нас с тобою.

Здесь

Здесь немало отличий от прошлого и единиц
(Измерения роста и веса, карьеры, длины
И ступни, и ступени движения тела по жизни)
Очень много, пропорции старые искажены.

Здесь и времени счёт – до полудня и после – такой,
Что запутаться новоприбывшему очень легко,
А у даты в меню будет супом (на первое) месяц,
День рожденья (второе) – котлетой с горчинкой «Клико».

Здесь сюжетом для прозы с поэзией редко – война,
Чьим исходом-победой, где б ни была совершена,
Не гордятся. Поэтому принявший новую гордость
Будет эхом забытых понятий отвергнут – «Не наш!»

Здесь кукушку не спросят о главном – осталось ли чуть.
Эта правда жестокая вписана долгом врачу.
Если тот ошибётся, а может, ответит пространно,
За ущерб от надежды пойдёт под топор палачу.

Здесь единая мера успеха – как твёрдая гать
По болоту надежд, сомнений, где вязнет нога.
Если ты так умён, почему – как церковная крыса?
Но не спросит никто, почему не Эйнштейн, раз богат.

Этот мир, что распахнут для всех и признавший меня,
Там, откуда я родом, увы, никогда не понять —
Он враждебен по сути прагматике, логике, мерам,
И не важно, где в дате котлета заложена дня.

Игорю Мильченко

Поэт, музыкант и мой друг умер в 50 лет в день своего рождения

1.

Тебе – полтинник, а я всё старюсь,
И мой будильник пока мне в ухо
(Для звуков тару) бутылки звуком,
Допитой в полночь, не крикнул: «Время!»
И я старею.

2.

В один и тот же и день, и месяц
Родиться, позже отчалить ночью,
Меняя место, с отходом точным,
Как скорый поезд Варшава—Гамбург,
Вперёд ногами.

3.

Мозги раскинув, раскинем карты.
У вас – калина, в Техасе – кактус.
Посередине – стихи для встречи
По-человечьи. Удачный прикуп.
Ну, как не выпить?!

4.

Ты пьёшь нектары, а я покуда
Бурбон свой старый, и мне, верблюду,
К тебе дорога в игле закрыта,
Но дятлом в ритме готовит место
И мне стамеска.

Иммигрантам

Вам, с чемоданом, где порядок
Был скомкан сменами белья,
Где Библия с одной закладкой,
Что делит Книгу Бытия

На жизнь в дерьме, недели в трюме
И счастье – как полуподвал
С одной единственной кастрюлей,
Где суп давно не ночевал,

Вам, прибывающим на остров* —
Чистилище, где вонь и хлор,
И сквозь слезу, как линзу, остов
Свободы видится в упор,

Вам, с рюкзаками на закорках
Через таможи жернова
Аэропорта в новом Йорке
Прошедшим тело продавать

Таксистом или тротуарно —
Чужие вакся башмаки,
Чтоб душу сохранить и тварью
Не стать с лобзанием руки —

Поклон нижайший.
Вы на суше,
Что есть ковчег десяткам вер,
Одной мечте, что греет души.
Она из дерева гофер.

* Остров Эллис в Нью-Йоркской гавани, место приёма иммигрантов до 1954 г. (Прим. А.К.)

Как это будет

Ты обезволишь, как припадок,
В который раз – не умирать,
Уложишь просто на лопатки,
Сиделкой будешь до утра,

И белозубой негритянкой,
Блестящей потом и зрачком,
Споёшь о чём-то африканском
И распрощаешься потом.

Когда придёшь последней ночью
Прощальным вдохом на земле,
То обязательно захочешь
Последний раз меня развлечь —

Не резюме по беглой съёмке,
А медленным, по буквам слов,
Воспоминанием о том, что
Скороговоркою прошло —

Все книги, что прочёл (построчно),
Моей судьбы черновики,
Рождение сына, после – дочки,
Мои сомнения, стихи,

С косноязычием сраженья
До истощения, утра,
Всех мною побеждённых женщин,
И тех, которым проиграл,

Врагов обьятия – нежданно,
Как зло изменчивых друзей,
Все города и рестораны,
Где тратил сотни, оборзев,

И то, что даже не запомнил,
И что хотел забыть как сюр —
Всё-всё, вернётся разом в полночь
Документально, без купюр.

И не рапидом истекая,
А длясь, как долгое кино,
Но что прокрутится, мелькая,
Как жизнь – в мгновение одно.

Катастрофа

Опять, оскалась шрифтом, катастрофа
Полощется на простынях газет,
А не стихов новорождённых строфы,
Взорвавшихся в небесной бирюзе.

Сердца, вчера растерзанные взрывом,
Числом не ранят те, что на земле,
А их владельцы у отдела «Рыба»
Читают новость, стоя за филе.

И каждому – своё. Таранить листья —
Одним, другим – на листопад глазеть,
Шахиду – мечь, работа – журналистам,
Одним – филе, другим – тираж газет.

И как ни длинен список пассажиров,
А нет родных, то плакать по кому?
«Возьмите палтус, он сегодня жирный!»
Сердец владельцы жирное возьмут.

Куски людей, подлесок протаранив,
Остынут на поверхности земли,
Живым не остывать ещё, но странны
Сердцами, что безжизненной улик.

Спокойно завернут филе в несчастье
С передовиц, прочтённых неспеша,
Тела теплы, не рвёт сердца на части,
Вот только пахнет палтусом душа.

У ангелов на рыбу аллергия,
И снимет Бог хранителей с поста.
Он создал нас такими, не другими —
Своё лишь обонянье испытать.

Когда заходит ум за разум

Когда заходит ум за разум,
И смыслом предают слова,
Звук, не колеблясь, шлёт отказы,
А кухня запахов мертва,

Цвета противны различенью,
Ладонь стигматом не вскричит —
Как будто время попеченья
И сном призрения в ночи,

Тогда щемит — чему названья
Найти нельзя, поскольку слов
Не подобрать к следам дыханья,
Уже оставившим стекло,

Не обуздать затихший ветер,
Не различить ушедший цвет,
От звука нет и эха — вето
На всхлипы песни в голове...

То не от мира — не похоже
На всё, что умерло в словах.
И знаю, знаю — невозможно,
Но как же хочется назвать!

«Когда» и «если»

Сорвутся тьмою со степи
Монголы в грады лихолетьем.
Клинком сорвётся крест с цепи,
И серп – кривым мечом с мечети.

Слова сорвутся с языка,
Срывая с петель ставни, двери,
Сорвётся с атомов закат —
Последним заревом, наверно.

И не исполнятся в те дни
Долги, балеты и законы,
Не отразится солнца нимб
В иконах плоскостей оконных —

Ни стёкол, ни перстов, ни лиц,
Пусты глазницами, за ними —
Круженье тлеющих страниц
Из неисполнившейся книги.

Не закипай в глазах вода,
Не испаряйтесь кукла с креслом.
Пусть не срывается в «когда»,
За разум зацепившись, «если».

Когда к Земле причалит свет звезды

Когда к Земле причалит свет звезды,
Которой только номер для помина
Остался в каталогах – может быть,
Давно потухла, превратилась в глину,

А те, кому как солнце по утрам
Была для пляжей, зелени и радуг,
А наше Солнце лишь по вечерам
И по ночам – звездой из миллиардов,

Писавшие стихи, подруг слеза,
Подозревая нас в туманной мгле, чем
Похожи так ушедшие друзья,
О ком – «Иных уж нет, а те далече» (с).

Когда торнадо из дому прогонит

Когда торнадо из дому прогонит,
То к Тихому за солнцем побреду —
На край земли, на запад Орегона,
Где клумбы крон над головой цветут.

Язык бы им, то с небом говорили б
О падающем спросе на товар,
О ценах на продукцию колибри,
Доставке, райских скидках на нектар.

Магнолий цвет, их неземные рощи,
А в них земное, грешное с утра —
Две сиськи знак Макдональдса топорщит
И искушает бутербродом рай.

Отбуду срок, что для стихов отмерен —
Налажу парус в море немоты,
А сын и внук мне принесут на берег
Последней рифмой – белые цветы.

Кораблик

Вдохновенным движением губ,
Волшебством животворная сила
Из бумаги сложила судьбу
И корабликом в воду спустила.

Но вприпрыжку никто не бежит
Вдоль ручья, за творенье в ответе,
Чтобы выправить прутиком жизнь,
Что течением времени вертит.

Может быть, устояв под дождём
И толкающим к берегу ветром,
Много футов под килем найдёт
В неизбежность направленный вектор.

Он полюбит и ветер, и дождь,
Берегов очертанья, пейзажи,
Красоту, что открыта, как дом,
О котором, раскрывшись, расскажет

В полноводной реке, далеко,
Где вернётся в двумерность, размокнув,
И сольётся страницей стихов
С отраженьем небесного ока.

Красноречие камней

Когда выпотевают валуны,
Затылки их похожи на буханки,
Слоновьи лбы и ступорные сны,
И танки на приколе цвета хаки —
Известные природе молчуны.

Сопротивленьем речи шумных рек
Они лежат, воде противореча
Безмолвием. На берегах морей
Прибоям взбалмошным — укором вечным,
Намёком чайкам на крикливый грех.

И там, где пониманье красоты
Иное, их молчание не душит, —
Где мудрости единственной черты
Достаточно для кисточки и туши,
И рисовой бумажной простоты.

Кресты и звёзды

На шпилях, что видны на вёрсты,
Надгробьях, видных с высоты,
Кресты меняются на звёзды,
Те – на кресты,

Что безразлично смерти – птице,
Предпочитающей глаза.
Вкусны на жертвах, на убийцах,
Казнённых за

Убийство. Не глазеть на девок
Солдатам дома – три дыры
От клюва, и сквозная где-то,
А рот закрыт.

Та птица голода не знает,
Забот о завтрашнем, она,
Слепя и слепотой питаясь,
Гнездится в нас.

Погон ли, эполет, петлица,
Звезда ли, крест – едино есть
Парящей полуночной птице
Созвездья «Крест».

Круговорот света в природе

Сети сохнут, берег приодев,
Виноградник лозы солнцу отдал.
На верёвках – причиндалы дев,
В сеточку чулочки и колготки.

Всё для ловли – рыбы и мужчин
С рыбьими навывкате глазами,
Света как причины всех причин —
И вина, и купленных лобзаний.

Озеро не привлекает шлюх.
Я бреду по берегу и бреднем
Мысли одинокие ловлю.
А во фляге солнцем плещет бренди.

Ветер тащит волны умирать,
Раздувая парусами лодки
Движители жизненных отрад —
Виноградник, сети и колготки.

Листы и листья

Строка творит всё меньше зла —
Ей в жертву реже режут кроны,
Всё меньше белый лист – палач
Листу зелёному. Зелёный

Трепещет, впитывая свет,
Страница – вздох, а листья – выдох,
И возвращают голове
Возможность вдоха, выход, вывод

Из поглощённого ли, из
Перелопаченного с болью.
Разнится их метаболизм,
А суть служения – нисколько.

Простите строкам от руки,
Деревья, давшие тетради,
Стропила, срубы и стихи,
Служите вместе, Бога ради.

Любовники

Укройтесь трубкой, телефоны,
Подзаряжайтесь до утра,
iPhone'ы с яблоком-иконкой,
Не отвечайте номерам,

Сирен умрите децибелы —
Любовник ночи в тишине
Несёт листы букетом белым,
Что станут чем-то (или нет).

Она его, как почва – влагу,
Ждала и дождалась нутром —
В постели в лепестках бумаги
Скрипит усердное перо.

Они в объятиях заспорят
О ценности дневных шагов.
Приревновав к денному вздору,
Она напомнит, что любовь —

И ночь, и крест нерукотворный,
И мука с воскрешеньем в ней
Со словом точным и бесспорным,
Как крик сирены об огне.

Моему псу – посмертное

Мой пёс уснул, не встанет никогда.
Свой хвост согнул последней запятою,
За ней – пробел заснеженного льда
Как пустоты понятие простое.

Сам опущу в ту заholодь земли,
Откуда все, и всё куда вернётся,
И обопрусь на мысли-костыли
О том, что мы в живых, пока не в мёртвых.

Порой друзья рождаются, потом
Канают в своры, в петли и в запои,
То тысячи вернее псов, а то —
Кусая подлю, одного не стоят.

Утишим боль, а шерсть сметёт метла,
И пыль покроет фото пеленою,
В нём нет уже собачьего тепла,
Грей хоть на сердце, хоть в микроволновой.

Мы погибнем, когда расстреляем обоймы

Мы погибнем, когда расстреляем обоймы,
Исчерпав все заглазники моря и суши,
Сократив поголовье в бессмысленных бойнях,
Нечистотами землю загадив, как душу.

И подведшее вид, неудачное homo
Генетически вымрет, питаясь подножно,
А великое sapiens к новому дому
Воспарит, отряхнув прокажённую кожу.

Мы себя создавали из глины и, в князи
Выходя, выжимая по капле холопство,
Всё равно оставались рабами и грязью —
Под копытами хлюпать, под розгами хлопать.

От рисунков до сказочных замков на скалах,
От пещер и землянок к бетону и стали,
И от челюсти к лазеру — резать металлы,
Но не резать единоутробных не стали.

Не по водам уйдём — по отравленным рифам,
По песчаному дну, что иссохнет, как горло, —
Ахиллесы земли, полукровки, гибриды,
Не скоты и не боги, а то и другое.

Навигатор

«Не дурак – научусь», —
Прошепчу и задую свечу.
Как под осень грачу,
Будут сниться границы и мили.
Воротник у плаща
Подниму, отрезая: «Прощай!»
За спиной не печаль —
Два крыла ощуцу, но мои ли?

За спиной, надо мной?
На шоссе, на тропинке лесной,
И, колеблем волной,
Сатаной искушаем в пустынных
Не моих городах,
Где не ждёт дармовая еда,
Буду верить всегда —
Это ангел-хранитель заспинный,

Направляя с утра,
Сокращая количество трат
На познание добра —
Как добра, что размежит мне веки,
Он раскроет миры,
Что томили во мраке норы —
Там вино и сыры,
И добры к не своим человеки.

Станет вехой шесток
С головою сверчка на восток.
Ни восток, ни флагшток,
Не нужны для молитвы – как коду
Навигатора. Дни
Закружит, озарит, опьянит
Орбитален, как нимб,
Спиритический градус свободы.

Надежда проснуться

Закат неспешно, как заведено,
Растягивает тени деловито
И отпускает. Вектор временной
Направлен в ночь, что упадёт, подбита,

И чёрными крылами, как всегда,
Положенное время оттрепещет.
Покажется бессмысленным гадать —
Исход ночей рассчитан и предвещен.

Но солнце только, может быть, взойдёт.
Увидим завтра, а пока — превратно.
Индукция — надежда на приход
Того, что возвращалось многократно,

Как утро дня под именем его
В седмице на иконе православной.
И ждём опять одно из одного —
Произойдёт и не нарушит планы.

Но это — шанс, всегда с величиной
К оценке. Неплоха, но быстро тает.
В туманном «если» — все надежды, но
Будильник на «когда» уже поставлен.

Его звонок — один «наверняка»,
Всё остальное — вероятность, в пятнах
Из «может быть», а с ней лишь вера, как
В приход любви, порой невероятной.

Не дай Бог, но если

Из моих разношёрстных пассвордов
Написалась бы целая повесть,
А имён мне хватило б на город,
Их уже невозможно запомнить.

Эффективны, бездонны, полезны
Виртуальные библиотеки,
А стихи в переплёте облезлом
Отвыкают от рук человека

Да желтеют. Но их не затопчет
За греховность ниспосланный вирус,
И спасутся стихи от потопа —
Те, что долго на полке пылились.

И уйдут от беды, начиная
Размножение парой катренов.
Возродившись, страница земная
Станет полем, где будет деревня,

Та распишется в город, и улей
Загудит, продолжая породу,
Нарождает поэтов и улиц
И аптек с фонарями у входа.

Не по традиции

Не поднимайте брови – я хочу
Преставиться с открытыми глазами —
Как жил. Тому, кто, может быть, не чушь,
Взглянуть в лицо открыто. Между нами

Трепещущих пускай не будет век,
Опущенных традицией и верой
В рюкзак грехов, что каждый человек
Несёт на суд, раз вынесен за двери.

Но я хочу взаимного суда.
Представ, спрошу: «Всё было Божьей волей?
Так говорят, бросая города,
Своих детей закапывая в поле.

И волос без Тебя не упадёт,
И лысина не заблестит досрочно?
Так говорят. «Титаник» не найдёт
По курсу льда, блестя огнями ночью?

Помошник вдовам, скорбным матерям?
И можешь обойтись без детских трупов?
Ты – Доброта, Любовь? Так говорят...»
Ответит: «Врут», а может, взор потупит.

Ночь в старом доме

Остывающий дом, засыпая, собакой скулит,
Возвращая тепло очага, разговоров, устоев,
И ковчегом скрипит над штормами опальной земли,
Обречённой тонуть без семейного сна и покоя.

Он вздыхает трубой под клavierный ноктюрн половиц.
В очень старых домах, что солдатами служат столетья,
Старожилом ночи привидение вечной любви
Проверяет замки, возвращает на место предметы.

И, нервируя пса, подойдёт к колыбели оно,
Чтоб серебряный луч отвести от неё, улыбнётся,
И как будто само смежит веками створки окно,
Из которого ночь остывающим сумраком льётся.

О лесе с любовью

Проборами в растрёпанном лесу —
Вторжение хозяйственное прѳсек.
Причѳсок лес не любит и не просит.
Он облысеет временно на осень,
Пока же листья держит на весу.

Войти в него и дерево обнять.
И под корой услышать шѳпот сока
О том, что устремление — высѳко,
И нет ограничительного срока
У леса, как у смертного меня.

И с удареньем в век перенестись,
Где были и проборы, и просѳки,
Что много ближе топору, веселью —
Всѳ в том лесу с подарком новоселью,
Что рощей праздник в доме угостил.

Не упрекаю в том, что не бежит
От дровосека или от пожара —
Таким родился. Есть и смысл, пожалуй,
Превосходить устойчивостью жадность
И жить, пускай теряя рубежи.

Кто выбрал наименьшее из зол,
Тот выбрал зло. А выбор леса — прочерк.
Переживѳт бензопилу для прѳсек,
Поэтов преждевременную проседь,
Любя и осень, и скупой подзол.

О поэзии

Крадётся кошка чёрная, а свет
Потушен в чёрной комнате обычно.
Уверен – есть или уверен – нет,
А кошке вера в кошку безразлична.

И бродит, не зависима от нас,
Ловить её бессмысленно и пошло,
Но если темень будешь вспоминать,
То значит, в ней присутствовала кошка.

О правилах дорожного движения

Есть разделительная, стало быть —
«Нельзя по встречной».
Нет в правилах движенья «Не убий!»
Прямою речью.

Навстречу те, кто не на встречу — за
Своим в дороге.
Лети себе и не слепи глаза,
Крылом не трогай.

Бывает, что дороги единят,
Бывает — делят.
И мало безопасности ремня
Приходу к цели.

Все правила — и «Ладам», и «Пежо»,
Но не для стали.
Увиделось, что это хорошо,
Но так не стало.

«Не лги», «Не сотвори» и «Будь смирен»,
И «STOP» в завете,
Но снова — лобовое, вой сирен
И смерть в кювете.

О родине

Точка, где, слетев на ультразвук,
Аист появляется с «визиткой»,
Там, где вне старания и мук
В первый раз от двери засквозило —

Ею ли гордиться и в себя
Навсегда координаты вправить
И носить, по плоскости скользя,
По иным названиям и травам?

Матери печальная рука,
Что лупила редко, но за дело,
И каштан у дома в облаках,
Кашель умирающего деда —

В родинку уложатся, а стих
Только время передаст, согрея.
Хорошо, что можно унести
Родинку и родину как время.

Об одном важном чувстве

Господь, любое чувство отними,
Оставив то, что я неполноценен.
Пусть друг мне не протянет пятерни,
Когда скажу, что я уже у цели.

Отсутствием лекарства накажи
Меня, Господь, когда я заболею
Недугом полноценности, а жизнь...
Скажу, что понял старым дуралеем.

Не допусти, забей мне глиной рот,
Когда вскричу, что есть на всё ответы,
Что правдой есть, а что – наоборот,
Что есть любовь, а что – слова на ветер.

Оставь мне голод и гони с трибун.
Не доведи до лозунгов в падучей.
Не допусти, чтоб нижнюю губу
Выпячивал, как идиотский дуче.

И тот народ, поэт, который сам
Корону для величия нацепит,
Презрев неполноценности бальзам,
Неполноценен.

Обычный и простой американец

У гамбургера круглые черты,
И в тех чертах, наверно, колдовство —
Он круглыми способен делать рты
И животы, и мысли, и волхвом
Углы любого рода округлять.
Он властелин желудков и колец.
Он – туз червей, сильнее короля
Георга. Он – начало и конец,
В цепи от пробуждения до сна.

За стойкой – я и сотрапезник Билл,
А может, Джон. Законный ланч у нас.
У гамбургера функция судьбы,
Настолько неизбежен мне вопрос,
Что Билл задаст, свой бутер надкусив:
Мой личный на игру в бейсбол прогноз.
Я вспоминаю из последних сил
Команду города, где был рождён
Мой Билл, а я, приехавший потом,
Ассимиляцию познал дождём
Названий блюд, произносимых ртом
Как обороты вежливости о
Бейсболе и игре температур.
Когда мой Билл поймёт, что ничего
Толкового бейсбольного во рту,
Он спросит, соболезнаю, меня,
Откуда я приехал мудаком.
А объяснить, что в Киеве родня,
Без карты мира будет нелегко.

И мы пока молчим. Я ем салат,
А Билл – свой бутер. С кетчупом, без зла.
Никто из нас ни в чём не виноват.
И это очень скрашивает ланч.

Овладевшие перьями

1.

Овладевшим лишь перьями
Без крыла не увидеть свой стих
Над землёю и временем
Открывающим высь для других.
А иным не захочется
Получить горсть свинцовую влёт,
И тогда о немом одиночестве
Их строка пропоёт.

Оперению пёстрому,
Но не крыльев в размахе, а рук
Над высокими соснами
Не поднять, не держать на ветру.
Перемалывать мельницам,
Как всегда, урожаи плевел.
И опять эта жизнь не изменится,
Если всё – в трын-траве.

2.

Сколько перьев источено
О «не мир Я принёс вам, но меч»,
Сколько копий подстрочного
Оправдания каждой войне
Заточилось, чтоб верою
Разделять по завету Христа.
Только в брате, по вере повергнутом,
Меч – подобье креста.

3.

В небе – вечная иволга,
С тихой песней своей высоты,
И расплачутся ивами
Сосны – те, что пойдут на кресты.
Над разрывами-вздохами,
Над кострами из судеб и крыш,
Над молитвами, в гимнах заглохшими,
Ты, как прежде, летишь.

Окно

То ли кашель и оханье тяти,
То ли храп разбудил на полатях
Под периной – такой, как снега,
Что стелила трёхдневно пурга
И сшивала у рек берега
В беспредельное белое платье.

То ли сна продолжение, морок,
Где лукавый неktionным и вором,
Искушая, утопит в грешном,
То ли полночь явила окно,
Прорубивши устоя бревно
Как препону и стуже, и взору.

Боязливо, от страха икая,
Заглянула, заранее каясь —
Из каменьев дома высоки,
Переулками – проплеск реки,
У причалов – челнов тесаки,
Чудо-пристань, мощённая камнем.

Но везде скоморошные маски,
И срамные прилюдные ласки,
Неизвестных названий цветы,
Площадей горлопаниющих рты,
Кружева, позабывшие стыд,
Что метут эти площади в пляске.

Голубей на карнизах возня и
Балалайки, что видом разнятся.
Вот привидится! Боже, избавь!
Оглянулась – родная изба,
Где сверчок да лучина-судьба,
И зевнула, крестом охраняясь.

Они редки

Они редки, как правильность теней
На полотне со лживой мизансценой,
Достойны в Третьяковке на стене
Кричать: «Враньё!» или – костра под ней,
Поскольку сатане плюют в расценки.

Они редки, и душами на дне
Находятся, откроешь – засверкают.
Удачи бы – как кислорода мне,
Не склонному дышать на глубине,
Где вонь от разложения такая...

Где рыбам безразличен и моллюск,
И всё, что не съестное и не прибыль.
Ценю холоднокровность и молюсь —
Пусть устрицу не тронет острый клюв.
Я сам когда-то кистепёрил рыбой,

Но выполз на Атлантики песок
И вот... вооружившись лишь Wi-Fi'ем,
Ныряю, пульс переводя в висок,
Сонарам не заметен, невесом,
Как створки устриц, открываю файлы,

И в их губах настойчиво ищу.
Тем значимей жемчужины в корону
Поэзии, чем реже, и ни чуть
Нептуну – не планктоновая чушь.
Они прекрасны, если чужеродны.

Они уходят

Обманутые углями печи,
Завёрнутыми в скатерть к переезду,
Не шерудят ухватами в ночи,
Тоскуют и спиваются, болезни.

Добро в домах переменяло цвет
И смысл и стало кожей на диване,
Сервизами, коврами на паркет.
Добро уходит в прежнем толкованьи.

И домовые духи, бородой
Тряся печально, навсегда уходят.
Кикимора осталась за плитой
С прокудой – духом мусоропровода.

На север, запад, на восток, на юг
Идут они, их путают с бомжами.
И правда – место жительства, уют
У них бетонки плоские отжали.

И сквозь останки мёртвых деревень
Проходят, ищут свет в домах и лицах,
И учат языки, кому не лень.
Оставшиеся гибнут на границах.

Осенний гром

Гром вначале – стуком первой горсти
В крышку гроба, но из всех мортир
Вскоре лупит, сотрясая кости
Сумрачных октябрьских квартир.

Колется поленом на допросе
Небо, соучастников раскрыв, —
Влажность, электричество и осень
(Сгинут до декабрьской поры).

Гром – реанимации вершина,
Дальше – холод морга в январе.
Нужно быть ребёнком, чтоб страшиться,
Сумасшедшим – чтобы умереть.

Эй, очнитесь, люди, оживая
В с виду безнадежных городах —
Это грохот утренних трамваев,
Не набат последнего Суда,

Дёрнитесь лягушкой на балконе,
В мышцу погрузив громоотвод —
Осень раздаёт свои кулоны,
Полумёртвым шансы раздаёт.

Остановившим тьму

Остановили тьму,
Что изменила кровь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.